

Встреча для вас

Олег ТАБАКОВ:

А что кризис? Я давно знаю, как получать хлеб по карточкам

Известный артист ходит небритым, хранит в кабинете ящики с вином и благодарит судьбу за встречи с замечательными женщинами

Предбанник кабинета Олега Табакова больше напоминает подсобку винного магазина, нежели рабочее место худрука знаменитой «Табакерки», театра-студии имени себя. Одна, две, три... я успел насчитать шесть коробок с импортным вином, когда от увлекательного занятия меня отвлек появившийся хозяин сего богатства. «Вы ко мне? Проходите». И приветственно протянул руку: «Олег Табаков».

- Неужели, Олег Павлович, в свободное от руководства театром время вином приторговываете?

- Нет, тут другое. Коробки, которые вы видели, презент по случаю моего дня рождения.

- И все это добро вы храните на рабочем месте? Уж не допингуете ли перед выходом на сцену?

- Всегда испытывал неловкость при виде накачавшихся сверх меры коллег. Это чувство стыда сидит во мне с юности, когда пришлось насмотреться на всякие безобразия в ресторане ВТО.

- А чтобы, допустим, убедительнее сыграть пьяного?

- Словом, советуете, готовясь к роли Отелло, придушить собственную супругу?

- А что? Иногда это бывает полезно.

- Я все-таки не сторонник столь радикальных мер... В данном случае Шекспиру предпочитаю Пушкина, вопрошавшего: «Не разойтись ли полюбовно?». Позвольте еще цитату? Тютчев пишет: «На старости я сызнова живу». Не знаю, что

именно подразумевал поэт, но в моей шестидесятилетней зрелости неожиданно стала проявляться дополнительная информация генетического свойства. Конечно, чего-то я не испытывал в жизни, какие-то состояния мне незнакомы, но это абсолютно не мешает точно играть, передавать их на сцене. Впрочем, и сегодня случаются открытия. Например, только теперь понял, что означает выражение «слаб в коленках». Но мне

грех жаловаться - наследственность хорошая.

- Вы отпустили бороду. Принято считать, что это старит.

- Дополнительная растительность на физиономии - явление временное. Так нужно было для роли в новой картине Виктора Титова «Кадриль». Сейчас съемки закончились, значит, вскоре снова побреюсь.

- А я уж подумал: имидж меняете.

- Куда мне! Так и помру - если не Шелленбергом, то котом Матроскиным. Поздно мне переделяваться. И внешне, и внутренне.

- Раз вы, Олег Павлович, себе не изменяете, можно предположить, что и на могиле матери по-прежнему регулярно бываете?

- Навещаю родные могилы часто, я всегда полагал это жизненно важным делом для себя.

Первой моей потерей стала баба Оля. Она умерла в 45-м году. Мама тогда служила в эвакогоспитале номер 4157 под Сталинградом. Нам слали срочные телеграммы, писали, что бабе Оле плохо, просили немедленно приехать, но вся корреспонденция терялась где-то в пути. И все

Любовь к отеческим гробам глубоко во мне сидит. Навещаю родные могилы часто, я всегда полагал это жизненно важным делом для себя. А бабушка Оля любила меня больше всех на свете. Может, еще только моя первая собака Ласма так ко мне относилась...

же мы успели проститься с бабулей: подошли к дому и увидели во дворе полуторку, на которой стоял гроб... «В гости к Богу не бывает опозданий».

Я очень тяжело переживал эту смерть. Наверное, бабушка Оля любила меня больше всех на свете. Может, еще только моя первая собака Ласма так ко мне относилась.

- Столь сужая круг любивших вас, вы, Олег Павлович, рискуете обидеть тех, кто все эти годы был рядом.

- Не, вы не так поняли или я, возможно, не совсем верно выразился. Речь о любви, дошедшей до самозабвения, слепого обожания. Когда Ласма встречала меня после долгого отсутствия, то от избытка чувств она писала на пол. И для бабушки я всегда оставался самым умным, красивым, замечательным, хотя в первый раз меня привезли к ней в парше, всего перемазанного зеленкой - я же аллергик, в детстве страдал диатезом... Бабушка взяла меня на руки, сказала: «Якэ дитэнятко поганэ», - и стала выхаживать, подняла на ноги.

К сожалению, многих из тех, кто не жалел для меня своей любви, уже нет в живых. Большинство дорогих мне могил осталось в Саратове. Там обе мои бабушки, отец, мама, дядя Толя, тетя Шура, моя первая театральная учительница. Кстати, Наталья Сухостав вырастила более ста шестидесяти профессиональных артистов, и мы, ее ученики, недавно скинули кто сколько смог и поставили памятник на могиле Натальи Иосифовны.

Вероятно, похоже на самообман, иллюзию, но мне важно сохранить эту связь, передать ее Антону и совсем еще маленькому Пашке.

- Может, все идет и от того Табакова, который в неполные тридцать лет от роду перенес инфаркт, заглянул в бездну и вовремя остановился на краю, успев понять что-то важное?

- Несомненно. Мне на хляву ничего в жизни не доставалось, хотя, наверное, я мог производить впечатление человека, которому очень везет. Кто, кроме меня, может знать, какую цену и за что я платил?

Были моменты, когда сходилось все - репетиции в театре, съемки в кино, запись грампластинок, озвучание мультфильма, гастроли... И ведь справлялся!

- Дом забыли назвать.

- Семей по большей части занималась Людмила Ива-

новна, моя первая жена. Надо ей отдать должное.

Да и сегодня не могу назвать себя в этом смысле образцовым семьянином - был на Марине. Наверное, со стороны выглядит странно: молодая женщина, кинозвезда и вдруг взвалила на себя такой воз, а я благодарен супруге, что она освободила меня хотя бы от этих забот. Поверьте, мне и без того хватает. Я многим занимаюсь, за многое отвечаю, многое помню, возможно, даже слишком многое. Например, вы знаете фамилию генсека ООН, убитого на рабочем месте?

- Я вообще об этом факте впервые слышу.

- А вы в курсе, что Ким Ир Сен родился в местечке Мангенде у подножия горы Мангенбон?

- Божи упаси! Тогда ответьте, как звали президента Бразилии, который в 50-е годы вышел на парусном судне в открытое море.

- Олег Павлович, вы меня пугаете. Зачем вам все это хранить в памяти? Голова ведь не мусорный ящик.

- Согласен, но ничего не могу с собой поделать. Это какая-то патология. Видно, так мой мозг устроен. Похоже, это передалось от отца, который мог часами чесать по памяти из Чехова, Пушкина, Лермонтова. Когда он добровольцем ушел на фронт, то писал маме стихами - абсолютно подражательным, «онегинским» стилем... Папа был у меня интеллигентом в первом поколении - со всеми вытекающими отсюда последствиями. Например, он обладал трезвой самооценкой и всегда снижал жанр: знал массу всего, но говорил, что кое в чем разбирается. И даже отцовскую увеличенность в Чехова я объясняю некоей схожестью их натур.

Кстати, о Чехове. Недавно прочитал в «Комсомольской правде» удивительное по своей откровенности письмо Антона Павловича о том, как он осваивал японскую проститутку. Признаться, я даже не подозревал, что можно столь деликатно, тактично и одно-

Маленькому Пашке повезло: он видит кота Матроскина (папу) каждый день.



Фото из журнала «ПРОФИЛЬ».

временно с юмором, изяществом и вкусом рассказать о контактах мужчины и женщины.

- После этого чтения вас потянуло в Страну восходящего солнца?

- Все-таки не надо сравнивать мою потенцию с мужской силой Антона Павловича. Чехов был туберкулезным больным, а, как известно, эта хворь многократно увеличивает сексуальные возможности человека.

А вообще любовь - великое таинство и счастье. В молодости этого не понимаешь, осознание приходит позже, с годами. И сегодня я благодарен Господу за то, что он послал мне встречи с замечательными, скажем так, женщинами.

- А почему «скажем так»? Как еще можно выразиться?

- Есть же дураки, которые начинают перечислять имена своих подруг. Разве можно? Сегодня модно говорить о себе то, что прежде в приличном обществе принято было скрывать. Чем гаже и страньше, тем лучше.

- «Страньше» - это по-каковски?

- «Все страньше и страньше», - говорила Алиса, вступая в Зазеркалье... Вспомнить хотя бы историю о том, как много лет назад я попал на кинофестиваль в Индию.

- Что же в этом удивительно?

- Меня повезли на экскурсию в деревню для прокаженных! А я ничего не знал! До меня дошло, куда попал, ко-

гда зашел в дом, где женщина с явными следами болезни вызвалась угостить дорогого гостя обедом. Она начала печь какие-то лепешки, раскатывая тесто на собственном бедре. Не съест - вызвать грандиозный скандал, а съест - подписать себе смертный приговор. Спасло, что в последний момент я успел хлопнуть полстакана виски - продезинфицировался и стал есть все, что давали.

Прошло четырнадцать лет и - ничего, живой.

- Смелый вы, однако.

- Да, мне понятно выражение «На миру и смерть красна». В моей жизни было несколько ситуаций, когда требовалось проявить благоразумие и не высовываться, но я рвал на груди рубаху. К примеру, однажды на бюро Бауманского райкома партии мне собирались вынести строгий выговор с занесением в учетную карточку. Сидел бы тихо, может, и обошлось бы. Но в таких ситуациях у меня заслонка падает, и я не-су: а-а-а, блин...

Мы уже говорили сегодня об инфаркте, перенесенном в сравнительно молодые годы, о том, что я рано смог узнать цену жизни. Тогда я сорок девять суток неподвижно пролежал на спине (в ту пору существовала такая методика лечения инфарктов) и многое успел передумать и переосмыслить. В чем-то должен быть благодарен судьбе и за этот подарок. Не хочется говорить банальности, но я понял, что живем один раз, что честь надо беречь смолоду... ну, и так далее.

- Помирать страшно было?

- Ужасно! Я же заступил за черту, а потом отдернул ногу.

- Антон уже родился?

- Инфаркт случился в 64-м, сыну шел четвертый год.

- А еще я слышал, что тогда, лежа на спине, вы считали секунды счастья, выпавшие на ваш век. В самом деле было или вы позже для красного словца присочинили это?

- Было. Могу даже объяснить, как все получилось. Меня выхаживали в реанимации привилегированного корпуса Боткинской больни-

цы, где даже икру регулярно давали. Нас в палате лежало двое. Сначала моим соседом оказался начальник автобазы ЦК партии. Он помер. Потом привезли из Днепродзержинска директора тамошнего металлургического завода. Его положили в пятницу, и выходные мы провели нормально, а в понедельник с Украины прилетела жена директора и стала ходить в больницу, как на работу. С девяти до половины шестого она сидела у кровати и плакала, потом уходила, чтобы утром прийти снова. К четвергу директор успокоился навеки.

Словом, мне требовался минимум фантазии, чтобы представить себя на месте умерших, поэтому, не желая сходить с ума, предпочел думать о чем-нибудь хорошем. А что может быть лучше мгновений счастья?

- И много секунд натикало?

- Вы же знаете, что счастья много не бывает.

Не забуду подругу своей сводной сестры Марусю Зайцеву. Отец Маруси работал смотрителем бахчи, и иногда он давал нам полакомиться арбузами. Бахча находилась на взгорке, а наша дача - внизу, закрываю глаза и до сих пор вижу, как катятся по земле арбузы, пушенные умелой рукой Зайцева-старшего... Вот счастье!

- А последние секунды, капнувшие в вашу копилку счастья, с чем или с кем связаны?

- Наверное, все-таки с Антоном. У меня растет очень добрый и ласковый мальчик.

- Между тем мальчику уже тридцать восемь лет.

- Какое это имеет значение? Для меня ведь он все равно остается ребенком.

- Радости нашего повседневного бытия, все эти инфляционные секунды не сжигают?

- Еще чего! Да и какие такие радости? Родное государство в который раз за последние десять лет кинуло народ - что же тут удивительного? Уже привыкнуть можно. У них, наверху, своя жизнь, у нас - своя.

Андрей ВАНДЕНКО.